

DOI 10.24412/1026-8804-2024-2-151-176

УДК 94(571.6) [910.4]+908

Малоизвестные страницы покорения Сибири и Дальнего Востока XVII в.¹

Шаман Томканей: его роль в организации походов русских землепроходцев И.Ю. Москвитина и В.Д. Пояркова

Виталий Николаевич Елизарьев,

кандидат исторических наук, член РГО, Южно-Сахалинск.

E-mail: vn_sakh@mail.ru

Более 380 лет отделяют нас от исторических подвигов русских землепроходцев XVII в. И.Ю. Москвитина и В.Д. Пояркова. Они первыми проложили дорогу путешествиям по Охотскому морю и великой р. Амур. Вместе с этим оба данных похода связаны между собой схожими задачами государственного значения, направленными на поиск драгоценных металлов, месторождений серебряных руд, необходимых России. Главным источником сведений, послуживших основой для формирования, подготовки и отправки отрядов русских казаков в неизведанные места, на р. Амур и в её верховья, стал тунгусский князец лалагирского рода Томканей. Однако цели поиска в обеих экспедициях достигнуты не были в связи с возникновением непредвиденных сложностей. Москвитинцы прекратили движение

¹ В журнале «Россия и АТР» за 2022 г., № 4, была опубликована первая статья из этой серии — «Новая версия разгадки расспросных речей участников похода И.Ю. Москвитина к устью р. Амур в 1640 г.». DOI 10.24412/1026-8804-2022-4-187-205.

Данная работа посвящена причинам, породившим серьезные проблемы походов И.Ю. Москвитина и В.Д. Пояркова. Однако рамки одной статьи не позволяют охватить весь перечень возникших в ходе исследования вопросов, которые связаны с историей покорения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. Они будут раскрыты в последующих публикациях.

и возвратились в зимовье из-за бегства проводника и скопления значительных сил инородцев на островах в устье р. Амур. Отряд В.Д. Пояркова ждали трагические события, значительные людские потери, отказ от выполнения поставленной задачи, возврат в Якутск по пути, проложенному И.Ю. Москвитиным. В статье предлагается авторская версия, обосновывающая причины неудачных поисков и трагических событий обеих экспедиций намеренными действиями тунгусского шамана Томканей и князцов других родов инородцев против экспансии московского правительства при покорении Сибири в XVII в.

Ключевые слова: Томканей, В.Д. Поярков, И.Ю. Москвитин, р. Амур, р. Зeya, Лавкай, серебро, серебряная руда.

Little Known Pages of the Conquest of Siberia and the Far East in the Seventeenth Century.

Shaman Tomkaney: His Role in the Organization of the Campaigns of Russian Explorers I.Yu. Moskvitin and V.D. Poyarkov.

Vitaly Elizariev, Russian Geographical Society, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.

E-mail: vn_sakh@mail.ru.

More than 380 years separate us from the historical exploits of the Russian explorers of the seventeenth century I.Yu. Moskvitin and V.D. Poyarkov. They were the first to pave the way for travelling along the Sea of Okhotsk and the great Amur River. At the same time, both these campaigns are related to each other by similar tasks of national importance aimed at searching for precious metals, deposits of silver ores necessary for Russia. Tomkaney, the Tungus Prince of the Lalagir clan became the main source of the information that served as the basis for the formation, preparation and dispatch of detachments of Russian Cossacks to unexplored places, to the Amur River and its upper reaches. However, the goals of both expeditions were not achieved due to the unforeseen difficulties. The Muscovites stopped the movement and returned to their winter quarters because of the escape of the guide and the accumulation of significant forces of foreigners on the islands at the mouth of the Amur River. V.D. Poyarkov's detachment faced tragic events, significant human losses, refusal to perform the assigned task and returned to Yakutsk using I.Yu. Moskvitin's route. The author offers his version justifying the reasons of unsuccessful searches and tragic events of both expeditions by the deliberate actions of the Tungus shaman Tomkaney and princes of other foreign clans against the expansion of the Moscow government during the conquest of Siberia in the seventeenth century.

Keywords: Tomkaney, V.D. Poyarkov, I.Yu. Moskvitin, Amur River, Zeya River, Lavkay, silver, silver ore.

ОЦЕНКА СИТУАЦИИ ПО ОСВОЕНИЮ СИБИРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КО ВРЕМЕНИ ПОХОДОВ И.Ю. МОСКВИТИНА И В.Д. ПОЯРКОВА

XVII в. складывался для российской государственности тяжело: военные действия против поляков и шведов, набеги крымских татар, неопределённость и слабость украинских территорий, разорённость городов и деревень, Смутное время, пустая казна, нехватка серебра для увеличения денежной массы и реформы монетного дела.

Шло наполнение Сибири отрядами казаков, многие из которых направились сюда с надеждой на обогащение. Следом строились опорные остроги. Они становились центрами освоения и присоединения новых земель. Усиление внимания к Сибири определялось в немалой степени сведениями о пушном богатстве малоизвестных территорий. Московское правительство отправляло часть драгоценного ясака за границу, получая серебро, необходимое для чеканки собственных денег. Сибирские меха (особенно соболи) отчасти компенсировали пустоту государственной казны, сохраняли возможности торговли, заменяли собою деньги. В связи с тем, что серебро «в XVII столетии, как и прежде, Россия вынуждена была практически полностью ввозить из-за рубежа» [17, с. 95], значимой целью Москвы, помимо расширения русского влияния в Сибири в целом, стало также ускорение поиска полезных ископаемых и месторождений драгоценных металлов.

Пушной налог (ясак), поиски серебряных руд стали одним из мотивов административного распространения Московского влияния на восток, создания новых центров дальнейшего продвижения в Сибирь, за Тобольск, предоставления самостоятельности управления территориями растущим городам — Томску, Енисейску, а затем и Якутску.

То в одном воеводстве, то в другом создавались «серебряные экспедиции», в которые привлекались большие материальные и людские ресурсы. Но желаемых результатов они не приносили.

С 1632 по 1640 г. известным своими поисками серебра стал Енисейский острог [24, с. 365]. На сообщениях о серебре прославился Максим Перфильев, начавший службу подьячим, в 1626 г. по челобитной енисейских служилых людей ставший стрелецким сотником [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 12. Л. 91—91 об.], а затем и атаманом. Из своих походов в Братскую землю он принёс немало сведений о многолюдности, урожайности и ископаемых

(«серебра добре много») этого края [19, с. 116—117]. А после похода в Забайкалье и получения информации о серебре, серебряной руде, связанных с даурскими князьями Ботогой и Лавкаем, а также р. Ура, М. Перфильев стал исторической личностью. С этими сведениями, учитывая их важность, он, по поручению енисейского воеводы, был отправлен в Москву с личным докладом царю вместе с соболиной казной [13].

Известия М. Перфильева о руде до настоящего времени продолжают анализировать и разгадывать. Они стали основой формирования и отправки в 30—40-х гг. XVII в. в предполагаемый район новых «серебряных экспедиций».

К этому времени движение казаков на восток из Енисейска и на юг из Якутска было серьёзно затруднено сопротивлением бурятов. Братские люди стали преградой на пути русских отрядов, устремляющихся вглубь новых территорий, создавали немало проблем своими нападениями на остроги. Нарастало также сопротивление якутов и тунгусов отрядам русских, чьё «желание... простиралось... к обогащению себя на счет диких»² [24, с. 375].

Н.Н. Оглоблин писал, что «в продолжение XVII века и позже сибирские инородцы не один раз и во многих местах поднимали знамя бунта против русского владычества, или замыслили заговоры против него» в «стремлении вернуться к прежней самостоятельности» [18, с. 196].

На огромной территории от р. Лены на восток, север и юг направлялись казаки и промышленные люди из разных воеводств. Мешая друг другу, они создавали негативное отношение местных племён к экспансии русских. Наказы правительства требовали внимательного отношения к аборигенам, но реальное действие по поиску необъясченных территорий, сбору ясака «в руках местных властей превращалось в нечто совершенно иное», вызывая готовность иноземцев «поднять восстание» [5, с. 8].

Интерес к личному обогащению в условиях конкуренции отрядов казаков, направленных из разных опорных островов Сибири (Томск, Берёзов, Енисейск и т.д.) на поиск новых необъясченных земель, нередко приводил к двойному сбору ясака, а порой и к простому грабежу племён и уничтожению сопротивляющихся.

При таком негативном развитии событий Москва приняла решение об учреждении в 1637 г. Сибирского приказа с функ-

² Здесь и далее в цитируемых фрагментах сохранены орфография и пунктуация источников.

циями оперативного управления Сибирью. В 1638 г. в Якутске было образовано отдельное воеводство [25, с. 92], к которому отошёл ряд задач, ранее решавшихся енисейским воеводой. Первыми воеводами назначили П.П. Головина и М.Б. Глебова. Для обслуживания нужд уезда были выделены двое письменных голов из Москвы — «Василий Поярков да Еналей Бахтеяров» [6, док. № 100, с. 265]. Для них 21 мая 7147 г. (1639 г.) «по государеву... указу» была написана подробная наказная память «на государеву службу, в новую Сибирскую землю, на великую реку Лену». В документе подробно изложены маршрут прибытия в Ленский острог³, источники материальных и людских ресурсов (служилых людей из Тобольска, Берёзова и Енисейска), вооружения и судового такелажа, поставлены задачи [6, док. № 69, с. 164—172].

Во время продвижения к Ленскому острогу на место службы, куда воеводы прибыли только 18 июля 1641 г. [20, с. 36], была сделана роспись рекам, которыми они шли. В документе нашлось место и такой фразе: «от реки Селенги по левую сторону дорога на реку, сухим путем дней в 8 переезжают конем, а река течет в Китайское государство... да на той реке емлют серебряную руду...» [6, док. № 89, с. 249].

Упоминание о серебряной руде на территории, управление которой получили назначенные воеводы, резко повысило у них интерес к поиску драгоценного металла. По ходу продвижения к месту службы П.П. Головин давал поручения по проверке поступавших известий, связанных с серебром.

В 1640 г. были направлены казаки к северной оконечности о. Байкал, откуда они привезли серебряный круг, использовавшийся тунгусами как украшение, а в следующем году (1641) отряд Мартына Васильева заложил Верхоленинский острог, в районе которого проводились поиски серебряной руды [3, с. 25].

Время правления первого якутского воеводы П.П. Головина отмечено активным поиском месторождения серебряных руд, расположенного, по собранным сведениям, во владениях даурского князя Лавкая, проживавшего у р. Шилка. Этот район русскими ещё не был изучен, а неоднократные попытки казачьих отрядов найти к нему дорогу заканчивались безрезультатно.

Главная задача исследования — провести анализ подготовки и осуществления экспедиций В.Д. Пояркова и И.Ю. Москвитина; на этой основе понять логику произошедших событий, ставших следствием либо случайных факторов, либо продуманных действий извне.

³ Ленский острог в 1643 г. переименован в Якутск.

Документы говорят о том, что в обоих случаях источником сведений о серебряной горе, руде являлся шаман Томканей. Исходя из этого, главная цель — определить связь между негативными последствиями указанных походов с возможными преднамеренными действиями лалагирского князца, умело использовавшего задачу Московского правительства по поиску серебряных руд в Сибири для создания условий гибели русских отрядов.

ШАМАН ТОМКАНЕЙ: ОТ И.Ю. МОСКВИТИНА ДО В.Д. ПОЯРКОВА

Ещё в 1629 г., когда Томск стал независим от Тобольска и «томские воеводы, получив самостоятельность, желая показать усердие царю и в целях личной наживы, не замедлили воспользоваться слухами о серебре и богатстве бурят» [3, с. 19], всеобщее внимание привлекли поиски серебра томским атаманом Д.Е. Копыловым.

Его заслуги отметил в «Сибирской истории» И.Э. Фишер [24, с. 376—381]. Однако эта экспедиция не была согласована с енисейским воеводой, что привело к возникновению враждебности со стороны якутов и тунгусов к казакам разных воеводств, дважды обложивших налогами местные племена.

Тем не менее Д.Е. Копылов «за то похвалы достоин, что первый положил основание к распространению Российского государства до Камчатского моря» [24, с. 379].

На острие этих поисков оказался И.Ю. Москвитин, которого в исторический поход на Тихий океан отправил атаман, и «главную роль в этом сыграл верхнеалданский шаман Томкони (Томконей), эвенк из рода лалагиров» [20, с. 36].

В конце 2022 г. была опубликована статья «Новая версия разгадки расспросных речей участников похода И.Ю. Москвитина к устью р. Амур в 1640 г.» [8]. В ней предложена новая реконструкция событий, произошедших с казаками, на основе записей речей И.Ю. Москвитина и Д.Е. Копылова, остававшихся неразгаданными более 380 лет, и восстановлена картина движения москвитинцев к устью Амура.

Новая версия дала возможность понять причины отказа отряда русских первопроходцев от вхождения в великую дальневосточную реку с целью поиска «серебряной горы». Закончена статья была словами: «Но это лишь один аспект вопроса о прекращении дальнейшего похода И.Ю. Москвитина к устью Амура» [8, с. 205].

Данная фраза оставляла возможность продолжить сбор информации, чтобы выяснить истинный смысл подсказки тунгусского шамана Томканея для русских. Очевидно, что он являлся родовым вождём, а значит, «представителем и главой своего рода в сношениях с другими родами, а также с русской администрацией» [27, с. 202].

Томский атаман Д. Копылов взял лалагирского князца (шамана) Томканея в аманаты, чтобы не только обеспечить его выкуп ясаком со стороны рода, но и отчитаться о приведении этого рода в подданство Москвы. Шаман, будучи пленником, заинтересовал своими сведениями о «серебряной горе», указал русским ориентир и простой путь к нему.

Однако обозначенная шаманом лёгкость путешествия к Амуру превратилась в непреодолимый барьер для И.Ю. Москвитина: помимо многочисленных песчаных банок вблизи устья великой реки, на о-вах Удд и Лангр было сосредоточено ко времени прибытия русских казаков большое количество воинствующих инородцев. К тому же проводник, сбежавший непосредственно перед последним броском к устью Амура, оставил отряд без ориентира на фарватер, а приливно-отливные воды создавали реальную угрозу безопасности землепроходцев.

Возможно, бегство проводника было связано с тем, что он знал о готовящемся нападении на русских и сумел в нужный момент найти возможность избежать для себя негативных последствий. Версия подготовленного нападения на москвитинцев вполне соответствует общей картине взаимоотношений казачества и местных племён в указанное время. На это обратила внимание и А.И. Коваленко, отметившая, что, «...увидев большое скопление воинственных нивхов, малочисленные москвитинцы не решились войти в устье Амура» [11, с. 64].

Логично было задаться вопросом, случайной ли оказалась эта концентрация сил?

События, связанные с плаванием И.Ю. Москвитина, стали известны при обнаружении Б.П. Полевым исторического документа. В опубликованной им статье указано в примечании к найденному тексту, что «вернеалданский шаман был по воеводскому приказанию доставлен в Якутск», где он «повторил свое сообщение о горе с серебряной рудой, которая находится на реке... Шилкаре» [20, с. 23].

Однако здесь на первый план выходят два противоречия.

1. Если Б.П. Полевой имеет ввиду запись сведений Томканея, переданных им П.П. Головину «в 151 году» (1643 г. — *В.Е.*), включённых в наказную память для В.Д. Пояркова (далее

Инструкция. — В.Е.), то в этом документе нет указаний на гору с серебряной рудой. Есть лишь ориентир на серебряную руду на Шилке.

2. Важным фактом обнаруженных расспросных речей является указание на то, что, когда к И.Ю. Москвитину в зимовье «пришли князцы с своими людьми, взяв с собой шестьсот человек... он, Ивашко, с товарищи вышел к ним из зимовья на выласку и их побили и лутчево князца Томканея взяли и, взяв, в ево землю к ево людем посылал, чтоб оне были под государевою рукою и ясак дали. И те ево люди отказали, а что им государю ясаку не давать и под государевою рукою не быть. И он, Ивашко, с товарищи тово князца повесили» [20, с. 28—29].

Однако в конце статьи Б.П. Полевого имеется примечание от редактора: «Заявление о том, что казаки повесили князца Томконей (он же шаман Томкони, Томкани, Амкани), опровергается рядом документов. Известно, например, что Томконей был в Якутске у воеводы Головина во второй половине 1641 года, он же был проводником у Пояркова. Неправдоподобно и заявление об убийстве „шездесят“ шелганцев» [20, с. 37].

Здесь уместно отметить, что, возможно, москвитинцы не разобрались в степени влияния князца Томканея на его род, отказавшийся от сдачи ясака, либо эвены-тунгусы понимали жертвенность своего шамана. Это качество отмечал В.Л. Серошевский: «шаман... приходит на помощь людям... неумолимый враг и грозный повелитель, но вместе с тем... жертва» [28, с. 638].

С.В. Бахрушин и С.А. Токарев утверждали, что «тунгусский князь не обладал никакой феодальной властью над своими „улусными людьми“ и последние не находились в зависимости от своего князя... Родового вождя слушают, когда его воля не расходится с интересами рода, и не подчиняются ему, если она расходится, и даже убивают, если родовой вождь совершает „проступок“ против интересов рода» [27, с. 202].

Наконец, было подмечено, что «тунгусы в общественной жизни прямодушные и правдивые, на войне с врагами коварны, жестоки и неумолимы» [28, с. 226].

Возникает вопрос: если прав редактор статьи Б.П. Полевого, то тогда не прав И.Ю. Москвитин? И наоборот: если И.Ю. Москвитин сообщил правду, то о каком Томканее идёт речь в 1643 г., когда писалась Инструкция для В.Д. Пояркова?

В качестве приемлемого варианта можно высказать версию о том, что москвитинский Томканей действительно был убит в 1640 г., а место шамана лалагирского рода занял «родник», которому перешло это родовое имя. Причиной казни прежнего

шамана томский казак указывал неспособность князца склонить родичей к выплате русскому государю ясака.

В Инструкции же для В.Д. Пояркова указывается, что «в 150 году (1642 г. — В.Е.) в Якутском старом остроге... Ивашко Москвитин... де, Тунгус сказывал им про хлебную реку, и хотел их вести на ту хлебную Шилку... а лалагирцы, Тунгусы ту реку хлебную знают и по вся годы на нее ходят». А «в 151 году... князец Барбулак... про ту реку хлебную слышал от Лалагирсково Тунгуса, от Томканей, которой сидел в Бутайском острожке в аманатах, а тот Томканей многожды бывал на той хлебной реке (Шилке. — В.Е.)» [10, с. 2].

Однако в этом тексте нет упоминания И.Ю. Москвитина о «серебряной горе». Б.П. Полевой считал, что тот хотел эту деталь оставить для томского воеводы, о чём затем в 1646 г. и появились соответствующие расспросные речи в Томском воеводстве.

Но того лалагирского тунгуса «образца 1640 г.» томские казаки, согласно найденному документу, устранили, если верить его тексту, и тогда о каком Томканее ведёт речь князец Бурбулак?

В Инструкции Томканей «образца 1643 г.» нигде не говорит о серебряной горе, а лишь подробно описывает предложенный им маршрут на Зею и путь на Шилку, фактически предлагая себя в проводники.

Поэтому вполне логично, что Томканей из документа 1643 г. является продолжателем дела Томканей из расспросных речей 1640 г. Более того, этот новый Томканей рода лалагирцев, возможно, «поднял знамя» казнённого вождя, избрав тактику вхождения в доверие к новым властям с целью мщения и нанесения урона за смерть своего «родника».

После И.Ю. Москвитина в 1641 г. весьма ценную информацию о месторождении серебряной руды принёс М. Перфильев, чьи известия были зафиксированы в многочисленных документах и исследованиях [6, док. № 91; док. № 96; 24, с. 381—384; 15, с. 82 и т.д.].

М. Перфильев указал, что «на той же Шилке реке у князца Ладкая, на устье Уры реки, под улусом близко серебряная руда в горе, и из той руды Даурские князцы Ладкай с товарищи плавят серебро, и руды де серебряные много» [6, с. 258; 15, с. 82; 24, с. 382—384].

Ценность этих сведений определяется, прежде всего, конкретным именем даурского князя Лавкая и названием реки Ура, в устье которой якобы находится искомая гора. Тот же мотив «серебряной горы», как и у И.Ю. Москвитина, но уже с местоположением района, привязанного к конкретному человеку.

И.Э. Фишер писал, что москвитинцы «слышали от тамошних тунгусов, что у реки Чи (россияне ее называют Сея (Зея. — В.Е.)) и Зилкара (Шилкар, Шилка. — В.Е.) живет упражняющийся в земледелии народ...» [24, с. 380]. Речь здесь, без сомнения, идёт о даурах, располагавшихся по р. Зея и Шилка. Далее И.Э. Фишер утверждает, что казаки «находились уже в пути, и хотели с Уда перейти на Сею. Но тунгусы не хотели дать им проводников, так же недостаток в съестных припасах оказался у них столь велик, что они принуждены были идти назад» [24, с. 381]. Так И.Э. Фишером была обозначена причина завершения похода И.Ю. Москвитина к Амуру. Эта версия стала основной на долгие годы.

Однако в 1643 г. информация от Томканея, включённая в Инструкцию, касалась лишь маршрута от Якутска на р. Зея, упоминалось название реки Ура, а о серебряной руде Томканей речи не вёл. Почему? Не потому ли, что в тот момент шаман рисовал картину лёгкого перехода к Лавкаю, на р. Ура, а затем и Шилку, убедительно показывая себя в роли готового проводника?

Теперь в центре поиска стал князь Лавкай. Это имя превратилось в ориентир и для новых отрядов казаков, отправлявшихся из Якутска.

С этой целью П.П. Головин отправлял письменного голову Еналея Бахтеярова, которому была поставлена задача «у серебряной руды будет мочно острог поставить», собрать сведения о заселённости района, «проходе в Китайское государство... сделать чертеж и роспись» [6, док. № 96, с. 261].

Однако, согласно Инструкции, «письменный голова Еналей Бахтеяров... на Шилку реку не пошел, а воротился назад в Якутский острог» [10, с. 2]. Тем не менее он вернулся не с пустыми руками. С ним был «тунгус Ладыкан» (другой вариант написания — Ладакан), при опросе указавший простой путь достижения Лавкай: с р. Витима на р. Карангу, от неё на р. Нырча, впадшую в р. Шилка, которую достичь можно было за 8 дней пути с Витимской вершины. Лавкай, по описанию Ладыкана, живёт ниже устья Нырчи, «а избы де деланы у Лавкай по русскому... с ним вместе всего тридцать изб... А серебра де у Лавкай много». Весьма важно, на наш взгляд, и сведение о том, что «против Олекминской вершины живали Лавкаевы родники... с Алданской вершины до Шилки реки караваном ходу месяц... поблизости живут роды тунгусские лалагиры и манегиры и братья» [РГАДА. Ф.1177. Оп. 3. Д. 416 (1642). Л. 1—3].

В свидетельстве тунгуса идёт речь не только о серебряной руде, но и о районе, близком к месторождению — р. Нырча. Позднее, спустя 39 лет, «серебряную и оловянную руду нашли

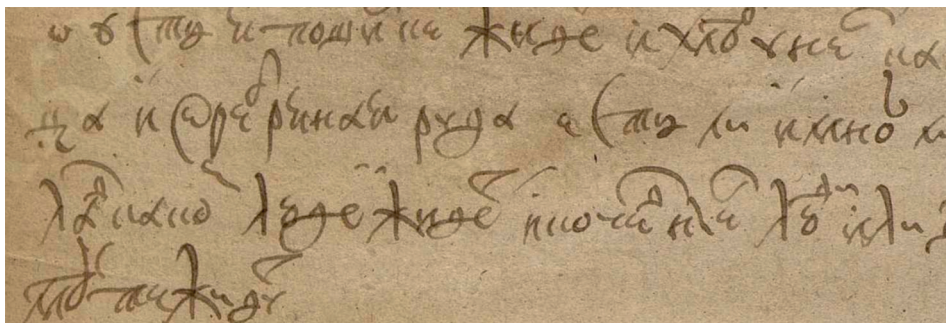

Рис. 1. Фрагмент расспросных речей тунгуса Ладыкана в октябре 1642 г. Он же шаман Лавага, согласно тексту Инструкции для В.Д. Пояркова: «...от устья по Шилке живет и хлеб какой родитца и серебряная руда есть ли и много ли с ним Лавкаем людей живет...» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 416. Л. 1]

от Нерчинского в степи, и та руда привезена к Москве в Сибирской приказ» [9, с. 127; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 720. Л. 15—43].

Тунгус Ладыкан (шаман Лавага) подметил весьма важный момент о возможных хороших связях даурцев и лалагирцев, а значит, и о возможных связях Лавкая с Томканеем. Это означает, что Лавкай, вполне вероятно, владел информацией о планах воеводства через Томканея.

Воевода П.П. Головин не придавал этому факту большого значения в 1642 г., так как, по всей вероятности, не знал о деталях похода И.Ю. Москвитина и судьбе предыдущего шамана Томканея. Этот год стал для якутского воеводства, в том числе и для В.Д. Пояркова, достаточно бурным не только во взаимоотношениях с аборигенами, но и в контексте отношений руководства данного воеводства между собой.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЯКУТСКИМ ВОЕВОДСТВОМ В 1642—1643 гг.

Следует отметить, что «Якутия представляла особо удачное поле для административного разгула и обогащения воевод» и «почти все последовательно сменявшиеся здесь воеводы обязательно заканчивали свою воеводскую службу сыском о ней» [23, с. V—VI].

Русские источники XVII в., собранные в Якутской воеводской приказной избе и Якутской таможне с момента образования воеводства, говорят о многочисленных фактах «из ряду вон выходящей жестокости (П.П. Головина. — В.Е.) по отношению и к якутам, и к своим недругам» [23, с. V—VI].

Воеводы добрались до Якутска с далеко идущими планами, сформировавшимися во время путешествия. Очевидно, что главными из них являлись:

А) Поиск и обнаружение месторождения серебряной руды. Информацию о ней, когда отряд якутской администрации 27 июля 1640 г. находился на р. Тунгуске, изложил «енисейский служилой человек Максимко Перфильев», побывавший с отрядом казаков на р. Витим, собравший важные сведения у аборигенов. Он сообщил, что «у князца Ладкая, на усть Уры реки, под улусом близко серебряная руда в горе», из которой «плавят серебро, и руды серебряные много, и то де у них серебро расходуется по многим волостям и по улусам в продаже, а продают де... серебро на соболи, а соболи де... у них на Шилке реке, покупают Китайские люди...» [6, док. № 96, с. 258].

Ещё не добравшись до места назначения, П.П. Головин начал проверки этой информации, отправляя отряды для сбора дополнительных сведений.

Б) Внедрение системы сбора ясака с целью значительного его увеличения. Для этого необходимо было знать численность племён, находящихся на вверенной территории, размеры которой оставались загадкой для администрации.

Реформа сбора ясака требовала перехода от «обложения одних только князцов» к поимённому обложению инородцев [23, с. XII].

Слухи о проведении переписи населения и резком повышении объёмов ясака всколыхнули племена. Уже через полгода после обустройства воеводской администрации, 2 января 1642 г., в Якутск пришло известие о восстании. Для защиты острога не было достаточных сил служилых людей. Воевода П.П. Головин стал искать виновников в обострении ситуации, обвинять в предательстве своих товарищей [27, с. 240—242].

Особая роль в исполнении разнообразных поручений воеводы отводилась письменному голове В.Д. Пояркову, которого называли советником П.П. Головина.

В документах отражено, что письменный голова неоднократно до своего исторического похода к Амуру по указанию воеводы принимал участие в различных столкновениях с аборигенами, в ходе которых проводил устрашающие акции подавления бунтов, уничтожал непокорных, занимался сбором ясака и т.д. [РГАДА. Ф.1177. Оп. 3. Д. 224 (1640). Л. 2; Д. 270 (1641). Л. 254—259; Д. 272 (1642). Л. 14; Оп. 1. Ст. 22 и др.].

В такой обстановке вожди племён стремились к объединению сил сопротивления, поиску мер противодействия русской власти и установлению контактов якутов и тунгусов с народ-

ностями Приамурья и Забайкалья (даурами, дучерами (дючерами), бурятами), имевшими связи с богдойскими людьми.

В период борьбы с восставшими произошли многочисленные столкновения сторон с ощутимыми потерями. «В начале 1642 года было полностью уничтожено пять русских отрядов... Погибло более ста казаков и промысловиков, в том числе опытные землепроходцы... Против них (восставших. — В.Е.) был отправлен отряд В.Д. Пояркова... Русские захватили три небольших вражеских острожка... сами были атакованы якутами и еле отбились» [16, с. 35—37].

Отряд В.Д. Пояркова был на острие боевых действий, которые подтверждаются рядом документов [РГАДА. Ф.1177. Оп. 2. Д. 42; 7, док. № 5, с. 36; 12, док. № 17, с. 23—24].

События 1642 г. резко обострили отношения в самом воеводстве, привели к отправке в якутскую тюрьму письменного головы Е. Бахтеярова, затем дьяка Е. Филатова и воеводы М.Б. Глебова в апреле 1643 г. [27, с. 241—242]. Если учесть, что в июле того же года в военную экспедицию был отправлен В.Д. Поярков (свидетель методов работы воеводы) с отрядом в 130 чел., то положение в Якутске оказалось критическим. Вся администрация, за исключением П.П. Головина, сидела в тюрьме.

Скандалная ситуация стала известна Москве, которая 10 февраля 1644 г. выдала наказ новым воеводам В.Н. Пушкину, К.О. Супоневу, дьяку П. Стеншину «ехати... на подводах, нигде ни за чем не мешкая» [6, док. № 100, с. 264]. Им была выдана «Грамота об освобождении из тюрем... лиц, заключенных под стражу прежним воеводою...» [6, док. № 101, с. 275—279].

В Якутск отправили комиссию по освобождению воеводских чинов, и в 1645 г. она собрала большой объём документов о деятельности прежнего руководства.

Часть этих материалов опубликована в официальных изданиях [7, док. № 5—6, с. 33—40; 12, док. № 17, с. 20—47], в них приводится множество примеров из методов управления Якутским воеводством.

Именно в этот период в архивных документах начинают отмечаться случаи контактов людей воеводы и служилых людей с шаманами из нескольких родов на фоне ясачных подушевых сборов [12, док. № 4, с. 2—8; док. № 5, с. 8—9; док. № 8, с. 10].

Тем не менее «серебряная тема» оставалась для воеводы одной из главных. И в случае успеха В.Д. Пояркова по поиску серебряной руды результат мог компенсировать многие проблемы деятельности П.П. Головина и создать запас прочности выполнения им воеводских обязанностей на перспективу. Но... экспедиция надолго пропала, известий от неё не было.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ В.Д. ПОЯРКОВА
И РЕАЛЬНОГО ПРОХОЖДЕНИЯ МАРШРУТА,
ПОДРОБНО ОПИСАННОГО ШАМАНОМ ТОМКАНЕЕМ.
КРАХ ВОЕВОДСКОГО ЗАМЫСЛА
О НАЧАЛЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ДОБЫЧИ СЕРЕБРА

Инструкция является достаточно обширным документом. Главное внимание в ней акцентировано на скором и успешном поиске месторождения, его овладении, обустройстве укрепленного острога, добыче и переработке руды, получении серебра. Это была долговременная программа пребывания письменного головы в Даурии, нацеленная на появление в Московском государстве промышленного центра по получению драгоценного металла.

Воевода П.П. Головин после отправки в тюрьму своих коллег по работе сумел обобщить информацию по итогам походов И.Ю. Москвитина, М. Перфильева, Е. Бахтеярова.

«Во 151 году, посадя нас холопов... в тюрьму... прибрал он Петр вновь на службу из промышленных и из гулящих людей 96 человек, которым... ратное дело не за обычаем, да к тем же новоприборным 16 человек старых служилых. И тех... послал с советником своим с Васильем Поярковым в Пегую орду...», — писали торговые и промышленные люди в «Мирской челобитной царю Михаилу Федоровичу... о насилии якутского воеводы Петра Головина» не ранее ноября 1645 г. [12, док. № 17, с. 46].

Воевода в Инструкции тщательно изложил детали информации от шамана Томканея, в подробностях описавшего неизвестный путь по рекам с преодолением Станового хребта и выходом на р. Зея, а затем и р. Шилку, к району проживания Лавкая.

Согласно Инструкции, лалагирский князец заявил о:

- удобном и быстром достижении Станового хребта по р. Алдан, Учур и Гонам до волока за «полтрети недели», т.е. за две с половиной недели (примерно к 5 августа. — В.Е.);
- возможности прибытия к р. Зея за 2—3 месяца (в первой половине октября. — В.Е.);
- малочисленности племён по потенциальному маршруту;
- имеющейся в регионе реке с названием Ура;
- смиренности и готовности племён к добровольной сдаче ясака;
- крепкой продовольственной базе у дауров, которая могла стать надёжной опорой для решения первостепенных задач будущего центра переработки руды;

- большом количестве серебра у населения, что являлось серьёзным свидетельством возможного нахождения в районе серебряной руды.

Аргументы Томканея, очевидно, убедили П.П. Головина, проглотившего наживку быстрого осуществления задачи крупного государственного значения. Воевода даже не обратил внимания на противоречия в информации о р. Ура, которая, по словам Томканея, впадала уже в Зею, а не в Шилку, как об этом сообщали М. Перфильев и Е. Бахтеяров.

Поэтому дальнейшее изложение «наказа» для В.Д. Пояркова читается уже как хорошо продуманная воеводой программа действий на маршруте, созданная под диктовку Томканея. Значительная часть Инструкции посвящена мерам по охране и защите проводников, получению дополнительной информации через опросы родственников, проведению мероприятий по сбору статистических и географических данных и, наконец, грандиозным мерам по обустройству территории месторождения, строительству в этом месте острога и промышленного предприятия, регулярной доставке серебра в Якутск и организации управления районом.

Как известно, выход отряда из Якутска состоялся 15 июля 1643 г. Поход по указанному Томканеем маршруту оказался губительным, как по срокам продвижения, так и по результатам боевого столкновения с иноземцами.

Действительный член РГО П.Е. Ткаченко в летне-осенний период 1994 г. сделал «попытку документально-экспериментального анализа непродолжительного по времени и относительно небольшого по расстоянию промежутка похода, определившего всю его дальнейшую судьбу. На этом промежутке было принято решение, которое привело к гибели более чем трети отряда, которое сказалось при последующем пути по Зее и среднему Амуру и которое, в конечном счете, изменило весь замысел экспедиции» [22, с. 45—55].

Однако важное и интересное исследование П.Е. Ткаченко касалось в основном природно-географических факторов, определивших трудности перехода отряда к цели назначения, и лишь ограниченного отрезка пути.

Суть проблемы перехода заключается в том, что ни одно из обещаний по срокам прохождения отрезков пути, указанных Томканеем, не было выполнено.

П.Е. Ткаченко утверждал, что шаман «этим путем в летнюю пору не пользовался, а рассказывал о нем либо по зимним впечатлениям, либо с чьих-то слов» [22, с. 47]. Однако это

противоречит утверждению Томканея, что он бывал «на Зее реке у хлебных людей многожды» [10, с. 3]. И причина частого пребывания на реке тоже известна — часть рода лалагирцев проживала на ней неподалёку от дауров.

А.А. Бродников высказывает похожую точку зрения: «Сложно предположить, что захваченные в аманаты якуты и тунгусы не знали путь, по которому в 1643 г. П. Головин и М. Глебов отправили из Якутского острога другого письменного голову, Василия Пояркова, по Алдану и его притокам на Зею. Учитывая, что межплеменной обмен на этой территории был весьма активным, получить такие сведения от местного населения для служилых людей не составляло труда» [2, с. 41]. Главное же в том, насколько искренне и честно, без подвоха даны сведения. Очевидно, что «без специальной подготовки не реально даже пытаться пройти на ранее неизвестную реку, какими бы заманчивыми не выглядели перспективы» [2, с. 42].

Испытания отряда на прочность начались сразу. Уже на р. Алдан В.Д. Пояркову пришлось идти «бичевой» [3, с. 54], затратив на эту реку 4 недели, затем 10 дней потратили на р. Учур и к р. Гонам подошли только примерно 25 августа.

А на «безобидной» р. Гонам оказалась и первая ловушка для В.Д. Пояркова — 64 порога и мели, при этом часть водного пути необходимо было проходить по мелководью против течения. Поэтому отряд вконец был измучен преодолением неизведанных препятствий, а затем ещё 5 недель был занят каторжным трудом по устройству заводов, перетаскиванию судов, пока не наступили первые заморозки. При этом с одного «казенного дощаника с кормы сорвало государев свинец, что с ним послан был 8 пуд 16 гривенок, и тот свинец в том пороге в глубоком месте потонул и сыскать его не могли» [7, док. № 12, с. 51]. К тому же был утерян не только боекомплект, но и часть продовольствия, судовой такелаж [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 628. Л. 9—12].

Стало понятно, что до снега и зимних холодов перевалить через Становой хребет не получится. Требовалось устройство зимовья и деление отряда, чтобы часть его осталась в зимовье для решения вопроса охраны и консервации судов. Поэтому с конца сентября потратили ещё 6 дней на выбор места зимовки у устья Нюемки, а затем 2 недели обустроивали зимовье, примерно по 20 октября. Указанные даты совпадают с датами П.Е. Ткаченко. Но дело даже не в датах, они нужны лишь для реконструкции движения отряда по маршруту. Вполне допустим вариант, что Томканей, обозначая сроки движения для отряда, ориентировался на прохождение того же пути неиз-

вестными для русских тропами. Тогда вполне вероятно, что этим маршрутом уже пробежали «родники» шамана для предупреждения даурских князцов и тунгусов о военной экспедиции, пока В.Д. Поярков пытался пройти тернистыми порожистыми реками. На эту возможность указывает то, что «если отдельные „большие семьи“ одного и того же рода были разобщены значительной территорией, тем не менее родовые связи между сородичами не прерывались. Родовое единство продолжало созаваться и находило свое конкретное выражение в различных формах...» [27, с. 198].

Утверждение П.Е. Ткаченко о том, что «судовым ходом по Гонаму до Пояркова никто никогда не поднимался» [22, с. 47], не согласуется со свидетельством, что «те суды Томканею шаману казаны... и Томканей сказал, что теми судами по Гоноте можно до волоку» [10, с. 3]. То есть шаман понимал предстоящие проблемы с судовым проходом по рекам, но скрыл это.

Складывается достаточно убедительная картина того, что Томканей умышленно стремился дать искажённую, но привлекательную информацию, ловко подтасовывая факты, создавал видимость лёгкого достижения важных целей.

Очевидно, что за три месяца пути отряд В.Д. Пояркова должен был не один раз задаться вопросом о причинах такого несоответствия Инструкции и реальности.

К сожалению, нет архивных документов, касающихся судьбы Томканей. Нет сведений и о том, занимался ли В.Д. Поярков получением дополнительной информации от «родников» шамана, как этого требовала Инструкция. Имя лалагирского князца больше нигде не упоминается. Но и без этих документов можно полагать, что В.Д. Поярков в полной мере прочувствовал обман шамана и нашёл способ избавиться от «проводника», не дожидаясь ещё худших последствий. Можно также с уверенностью предположить, что зафиксированный в Инструкции путь до р. Зея со слов Томканей является продуктом коллективного решения даурских князцов, которые являлись «подручными Лавкая, управляли укрепленными городками, имели родственные связи (были сыновьями или племянниками)», двое князцов «находились в военном союзе с Лавкаем и в некоторой зависимости от него» [26, с. 26].

Вполне вероятно, что в этом военном союзе были Томканей и его род. В Инструкции со слов шамана записано, что среди «сидячих хлебных людей» на р. Зея его «родников» — «лагирев 100 человек», «люди смирные, не дерутца... а ясак... без войны дадут» [10, с. 3].

Здесь уместно вспомнить И.Ю. Москвитина, который делал бесполезную попытку в 1640 г. склонить через шамана его род к сдаче ясака. Род, находившийся в союзе с даурами, не мог изменить им под давлением русских, даже понимая, что шамана может ждать суровая расплата.

Во второй половине октября письменный голова должен был принять важное решение: либо возвратиться в Якутск для выбора нового маршрута и пополнения утраченных запасов, либо продолжить путь на Зею.

Возвращаться в Якутск отряд уже не мог, так как в этом случае, во-первых, неизвестной будет реакция воеводы на бездарно потерянные вооружение, такелаж и продовольствие. Во-вторых, об этом маршруте уже можно будет позабыть, поскольку на Зее дауры смогут обеспечить надлежащую подготовку к боестолкновению.

Оставалась надежда, что на Зее отряд всё-таки получит сведения о Лавкае и месторождении руды, увидит таинственное устье р. Ура, решит проблему продовольствия и закрепится на новом месте.

Поэтому вполне ожидаемо, что В.Д. Поярков налегке с отрядом в 90 чел. совершил марш-бросок через «камень» и за 5 недель (к 1 декабря) добрался до р. Зея, а 4—5 декабря — к слиянию р. Ура (идентифицированной так согласно Инструкции) и Зеи. «По... притокам реки Зея было очень редкое население из эвенков-скотоводов (тунгусов. — В.Е.)» [26, с. 22; 14, с. 8].

Письменный голова не увидел в этом желанном районе никаких следов экономической деятельности, связанной с добычей руды. Он был вынужден продолжить путь до слияния Зеи с р. Умлекан, где жили дауры пашенные, т.е. оседлые племена, занимающиеся скотоводством и земледелием.

Здесь В.Д. Поярков взял «даурского князца Доптыула Кенчулаева 13 декабря в аманаты» [7, док. № 12, с. 51—52], подробно опросил его по всем интересующим вопросам, указанным в Инструкции.

Через неделю, 21 декабря, письменный голова встретился с зейскими даурскими и дючерскими князцами. Эти народы «имели много общего в быту и хозяйственном укладе» [17, с. 10].

Значительная задержка отряда русских позволила даурам тщательно подготовиться, а разговор с потенциальным воеводой убедил их, что казаки прибыли к ним в качестве завоевателей. Г.Ф. Миллер пишет, что «сперва все народы принимали Пояркова благосклонно. Знатнейшие Даурские Князья пришли к нему с подарками... Но намерение, с каким такие вопросы

от него (Пояркова. — В.Е.) предлагались, не было согласно с мыслями сих народов. Поярков хотел учинить завоевания, не будучи в состоянии утвердить благонадежное владение» [14, с. 8—9]. Отрицали князцы и наличие в их районе серебряной руды, сказав, что серебро получают от маньчжурского хана Борбоа, проживающего в 6 неделях хода на юг.

В ходе разговора с В.Д. Поярковым князцы заявили, что лучшим городком у них считается острожек князца Досия «на усть Силимбы реки, имя острожку Молдыкидич, турчан 40 человек, да по той же реке Силимбе живет 30 человек» [7, док. № 12, с. 53].

Практически дауры обозначили цель, куда следует идти отряду для окончательной проверки следов добычи и переработки руды, и удалились.

Они были готовы к тому, что В.Д. Поярков не поверит их утверждениям об отсутствии серебряной руды и сделает попытку войти в городок, чтобы убедиться в обратном. Нехватка продовольствия также являлась дополнительным катализатором для ускорения событий. Эти два мотива подтолкнули В.Д. Пояркова к действию, и он 12 января 1644 г. отправил пятидесятника «Юшку Петрова с товарищи... 70 человек... идти под тот Даурский острожек к Досии и Колпе... взять их в аманаты...» [7, док. № 12, с. 54].

Можно предположить, что В.Д. Поярков был уверен в положительном для отряда исходе проверки, опираясь на сведения, полученные от Томканей и князцов.

Дауры их ждали: «за версту их встретили... три юрты им отвели, где им Юшку с товарищи жить», и вынесли им «хлебных запасов, 40 кузовов круп... 10 скотин...» [7, док. № 12, с. 54], но в городок не впустили.

Ю. Петров сделал с казаками разведку о возможности вхождения в острожек, пытался уговорить захваченных князцов пустить служивых в городок, но получил отказ. Тогда, взяв с собой аманатов, пытался без шума «безвестно» зайти. Однако «из острожку и из подвалов, многие люди на вылазку выходили и с поля многие конные люди напускали, и бой с ними великой учинили... служилых людей всех переранили и в юрте под острожком обсадили» [7, док. № 12, с. 54]. Подобное противодействие стало неожиданностью для отряда, не ожидавшего такого поворота событий.

Очевидно, что бой с казаками был подготовлен не за один день. Дауры собрали силы, подготовили конницу, воины ожидали в засаде. Ловушка вновь, как и на р. Гонам, оказалась эффективной. Успех дауров обеспечили коллективные усилия. К тому же, с большой долей вероятности можно говорить

о том, что князь Лавкай знал о продвижении отряда В.Д. Пояркова и мерах, принимаемых даурами-князцами. В данном случае он являлся самым заинтересованным человеком в сохранении тайны района расположения серебряных руд.

Эта задача была полностью выполнена.

«Поярков убедился окончательно в том, что в Даурии ни серебряной руды, ни синей краски, ни дорогой камки не было. А все это дауры получали из Китая от хана Барбоя», — такой вывод сделал А.П. Васильев [3, с. 56]. Такого же мнения придерживается не только этот автор.

Действительно, от места слияния р. Шилка и Аргунь (начало р. Амур) до р. Зея нет месторождений серебра, как и на территории проживания самого Лавкай. Но если принимать этот вывод за истину, тогда необходимо признать неверными основополагающие известия М. Перфильева и других казаков о причастности Лавкай к переработке серебряной руды. Но отсутствие её от начала Амура до Зеи не является доказательством, что Лавкай не занимался плавкой руды и получением серебра. Это лишь означает, что понятие «рядом» и р. Ура не являются изначально правильными указателями для поиска. Даже если сегодня взглянуть на карту искомого района, можно увидеть целый ряд рек, название которых начинается с «Ур». В данном случае исследователями было решено, что под р. Ура следует понимать р. Урка, недалеко от устья которой проживал Лавкай. Так писали Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер в XVIII в. на основании отписок русских казаков после походов Е.П. Хабарова [см.: 7, док. № 50, с. 174; 7, док. № 72, с. 260].

Однако в понятие «рядом» может входить не только река с началом названия «Ур», но и территории, примыкающие к месту проживания князя. Поэтому отказ или простое утверждение об отсутствии руд у жилища Лавкай не является доказательством того, что месторождения вообще нет.

Территория владений Лавкай была значительно больше. Она включала в себя «Лавкаевы луга», отображённые на картах С.У. Ремезова, от слияния р. Шилка и Аргунь, вдоль р. Аргунь, на левом берегу которой позднее обнаружены огромные месторождения искомой руды. Там же были найдены и места плавки, существовавшие задолго до прихода русских.

В этом случае можно утверждать, что В.Д. Поярков (и не только он) сделал явно ошибочный вывод, повлиявший на весь дальнейший ход поисков серебряной руды. К примеру, основное внимание Е.П. Хабарова было также направлено на поиски князя Лавкай, его поимку, приведение «под государеву руку».

Но тайна места добычи и плавки руды была сохранена и в период военной экспедиции Е.П. Хабарова. Ни воевода П.П. Головин, ни В.Д. Поярков, ни Е.П. Хабаров не смогли понять изначальной фразы и определить, где «у того Лавкая князца на усть Уры реки в горе в утесе в двух местах серебряная руда...» [10, с. 1].

Недостаточно внимания уделено тому факту, что экспедиция Е.П. Хабарова не принесла достоверных сведений о месторождении руды. Тогда Московское правительство было вынуждено отправить с конкретным заданием к Е.П. Хабарову специальный отряд Д.И. Зиновьева для ревизии всех отписок по «серебряной руде» [21, с. 671—709]. Но это уже тема другого исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая события, связанные с походами И.Ю. Москвитина и В.Д. Пояркова, невозможно обойти вниманием роль, которую сыграл лалагирский князец, шаман Томканей. В связи с другими делами и событиями в Якутии в 40-е гг. XVII столетия это родовое имя не встречается. Лалагирский род, который представлял шаман, проживал на р. Алдан и по её притокам Учур, Мая в районе Бутальского острожка, а также на р. Зея, недалеко от дауров.

Историки, как правило, описывая походы И.Ю. Москвитина и В.Д. Пояркова, не уделяли внимания Томканею. На него справедливо обратил внимание Б.П. Полевой, но ограничился тем, что указал на шамана как автора сообщения о «серебряной горе». Тема серебра являлась в то время, безусловно, желанной как для представителей воеводства, так и для служилых людей. Все понимали перспективы своего положения в обществе при нахождении данной руды. Это были поиски сокровищ, о которых много слышали, но тогда ещё мало понимали геологию вопроса. Однако в любом случае казаки и промышленники шли на риск в надежде отыскать месторождение и обогатиться.

Надежда на успех отправила в неизвестность отряд И.Ю. Москвитина. Однако сложившиеся обстоятельства оказались удачными для первопроходцев, которые заранее обнаружили большое сосредоточение инородцев на островах в устье р. Амур, по всей видимости, дожидавшихся появления казаков. Пройти мимо них незаметно шансов никаких не было. К счастью, русские заметили воинствующих иноземцев и, не вступив в бой, смогли возвратиться к месту зимовья.

В отличие от И.Ю. Москвитина, В.Д. Поярков был обречён в соответствии с Инструкцией, выданной воеводой П.П. Головиным, следовать по маршруту, указанному шаманом. Основная тяжесть пути оказалась связана с р. Гонам, которая разрушила фундаментальные запасы боеспособности отряда, оставив ему лишь возможность уверовать в способности казаков одолеть «миролюбивые, немногочисленные» силы дауров, как описывал шаман Томканей. Разговор с местными князцами на Зее, вероятно, также успокоил В.Д. Пояркова. Он посчитал, что сил отряда во главе с пятидесятником Ю. Петровым, опытным служилым, вполне достаточно для проверки городка дауров и приведения жителей «под государеву руку». Возможно, поэтому письменный голова не принимал участия в данном походе.

Однако последовавшие события и поражение отряда приводят к утверждению того, что дауры и дючеры были заблаговременно готовы к прибытию казаков и нейтрализации их действий. В пользу этого довода говорит факт, что князец Лавкай, место проживания которого являлось целью достижения для В.Д. Пояркова, и позднее, при походе Е.П. Хабарова, за три недели до прихода русских дал команду своим людям покинуть их территории. Лавкаю было чрезвычайно важным сделать это для сохранения сведений о местах добычи серебряной руды и её переработки. А в качестве отвлечения внимания русских Лавкай и его окружение из даурских и дючерских князцов согласованно утверждали о наличии серебряных месторождений в Китае.

Заблаговременная готовность Лавкай и подчинённых ему князцов к отражению сил русских привела к блокаде на долгие «тридцать недель» [1, док. № 424, с. 263—264] и гибели значительных сил отряда В.Д. Пояркова, пока не подошло подкрепление второго пятидесятника П. Минина. Но и после воссоединения и отправки остатков отряда с р. Зея на р. Амур дауры и дючеры продолжали следить за всеми действиями русских, не давали возможности казакам приближаться к берегу, а при вынужденной высадке тех для разведки направления реки уничтожили почти полностью группу в 25 чел. Общие потери экспедиции составили около 80 чел. В.Д. Поярков «насилу спасся, добравшись морем, с устья Амура к реке Улья, впадающей в Охотское море» [25, с. 94]. Вернулся он в Якутск спустя три года уже при новых воеводах.

Однако, учитывая бурные события вокруг прежних воевод, остаётся до конца непонятым вопрос появления в поле зрения П.П. Головина шамана Томканей.

С одной стороны, многочисленные архивные документы свидетельствуют о фактах роста интереса «воевод и служилых людей

к услугам шаманов», «шаманизации пришельцев» [23, с. XII], которых привлекали ритуалы обращения к духам и попытки предсказаний планируемых событий. Так, воевода П.П. Головин, составивший Инструкцию для В.Д. Пояркова, фактически единолично принял решение об отправке отряда по маршруту, указанному шаманом. Тот факт, что заверения Томканей на поверку оказались ложными, не соответствующими действительности, поставил всю экспедицию на грань полного уничтожения. Это также способствовало отвлечению внимания от месторождения серебряной руды, действительно находящегося рядом с территорией владений князца Лавкая.

С другой стороны, нельзя исключать и варианта сознательной отправки письменного головы по ложному маршруту в целях избавления от ненужного свидетеля методов деятельности воеводы. Об этом подробно изложено в «Мирской челобитной царю Михаилу Федоровичу торговых и промышленных людей о насилии якутского воеводы Петра Головина» в ноябре 1645 г. [12, док. 17, с. 20—44].

Но, так или иначе, шаман Томканей являлся одним из тех, кто был «против ясачного режима в 1642 году... входил в число... людей... обеспечивающих безопасность и благосостояние общества» [4, с. 180].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635—1659 / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894. 773 с.
2. Бродников А.А. Витимский поход Максима Перфильева 1639 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. I. История. С. 40—43.
3. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Чита, 1916. Т. 1. 253 с.
4. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск, 1995. 224 с.
5. Гневушев А.М. Сибирские города в смутное время. Киев, 1914. 18 с.
6. Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 2. 308 с.
7. Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 3. 572 с.
8. Елизарьев В.Н. Новая версия разгадки расспросных речей участников похода И.Ю. Москвитина к устью р. Амур в 1640 г. // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 187—205.
9. Зуев А.С. Описание Забайкалья и Приамурья в 1681 г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 122—132.

10. Инструкция Письменному голове Пояркову // Чтения в Императорском обществе истории и древностей при Московском университете. Кн. 1. Январь — март. Разд. V. Смес. М., 1861. С. 1—14.
11. Коваленко А.И. Российские землепроходцы в Приамурье // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 64—67.
12. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. арх. док. Л., 1936. 330 с.
13. Красноярский В.Б. Землепроходец Максим Перфильев. URL: <https://proza.ru/2013/12/21/417> (дата обращения: 19.01.2024).
14. Миллер Г.Ф. История о странах при реке Амур лежащих, когда оныя состояли под Российским владением // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757, Июль. С. 3—39.
15. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. 684 с.
16. Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI — начала XVIII века. М., 2016. 124 с.
17. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с.
18. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). Ч. I. Документы воеводского управления. М., 1895. 433 с.
19. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления. М., 1900. 395 с.
20. Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Распросные речи» И.Ю. Москвитина и Д.Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 года) // Труды Томского областного краеведческого музея. 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 21—37.
21. Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. Отд. V. 806 с.
22. Ткаченко П.Е. Осень 1643 года в походе В.Д. Пояркова // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв.: историко-археологические исследования. Владивосток, 1998. Т. 3. С. 45—55.
23. Троцкий И.М. Некоторые проблемы истории Якутии XVII в. // Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. арх. док. Л., 1936. С. III—XXX.
24. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли русским оружием. СПб., 1774. 638 с.
25. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032—1882 гг. Иркутск, 1883. 779 с.
26. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М.: АН СССР, 1958. 212 с.
27. Якутия в XVII веке / под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск, 1953. 438 с.
28. Якуты: опыт этнографического исследования В.Л. Серошевского. СПб., 1896. Т. 1. 721 с.
29. РГАДА (Рос. гос. арх. древних актов).

REFERENCES

1. *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoyu Akademiei nauk. T. II. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1635—1659* [Acts of the Moscow State Published by the Imperial Academy of Sciences. Volume II: Discharge

- Order. Moscow Table. 1635—1659]. Ed. by N.A. Popov. Saint Petersburg, 1894, 773 p. (In Russ.)
2. Brodnikov A.A. Vitimskiy pokhod Maksima Perfil'eva 1639 goda [Vitim Campaign of Maxim Perfil'ev of 1639]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, series "Istoriya, filologiya", 2011, vol. 10, iss. I, "Istoriya", pp. 40—43. (In Russ.)
  3. Vasil'ev A.P. *Zabaykal'skie kazaki* [Transbaikal Cossacks]. Chita, 1916, vol. 1, 253 p. (In Russ.)
  4. Vasil'ev F.F. *Voennoe delo yakutov* [Military Affairs of the Yakuts]. Yakutsk, 1995, 224 p. (In Russ.)
  5. Gnevushev A.M. *Sibirskie goroda v smutnoe vremya* [Siberian Cities in the Time of Troubles]. Kiev, 1914, 18 p. (In Russ.)
  6. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya arkheograficheskoyu komissiyu* [Additions to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, 1846, vol. 2, 308 p. (In Russ.)
  7. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya arkheograficheskoyu komissiyu* [Additions to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, 1848, vol. 3, 572 p. (In Russ.)
  8. Elizhar'ev V.N. Novaya versiya razgadki rassprosnykh rechey uchastnikov pokhoda I.Yu. Moskvitina k ust'yu r. Amur v 1640 g. [New Version of the Riddle of Inquiry Speeches of the Participants of I.Y. Moskvitin's Campaign to the Mouth of the Amur River in 1640]. *Rossiya i ATR*, 2022, no. 4, pp. 187—205. (In Russ.)
  9. Zuev A.S. Opisanie Zabaykal'ya i Priamur'ya v 1681 g. [Description of Transbaikalia and the Amur Region in 1681]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, series "Istoriya, filologiya", 2023, vol. 22, no. 1, "Istoriya", pp. 122—132. (In Russ.)
  10. Instruksiya Pis'mennomu golove Poyarkovu [Instruction to the Written Head Poyarkov]. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey pri Moskovskom universitete. Kn. 1. Yanvar' — mart. Razd. V. Smesi* [Readings in the Imperial Society of History and Antiquities at Moscow University. Book 1. January — March. Sec. V. Mixtures]. Moscow, 1861, pp. 1—14. (In Russ.)
  11. Kovalenko A.I. Rossiyskie zemleprokhodtsy v Priamur'e [Russian Explorers in the Amur Region]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2014, no. 11, pp. 64—67. (In Russ.)
  12. *Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii XVII v.: sb. arkh. dok.* [Colonial Policy of the Moscow State in Yakutia of the 17th Century: Collection of Archival Documents]. Leningrad, 1936, 330 p. (In Russ.)
  13. Krasnoyarskiy V.B. *Zemleprokhodets Maksim Perfil'ev* [Explorer Maksim Perfil'ev]. Available at: <https://proza.ru/2013/12/21/417> (accessed 19.01.2024). (In Russ.)
  14. Miller G.F. Istoriya o stranakh pri reke Amur lezhashchikh, kogda onyya sostoyal pod Rossiyskim vladeniem [The Story of the Countries Lying by the Amur River When They Were Under the Russian Possession]. *Ezhemesyachnye sochineniya k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie* [Monthly Writings for the Benefit and Amusement of Employees]. Saint Petersburg, 1757, July, pp. 3—39. (In Russ.)

15. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Leningrad, 1937, vol. 1, 684 p. (In Russ.)
16. Nikitin D.N., Nikitin N.I. *Pokorenie Sibiri. Voyny i pokhody kontsa XVI—nachala XVIII veka* [Conquest of Siberia. Wars and Campaigns of the Late 16th—Early 17th Centuries]. Moscow, 2016, 124 p. (In Russ.)
17. Nikitin N.I. *Sibirskaya epopeya XVII veka (nachalo osvoeniya Sibiri russkimi lyud'mi)* [Siberian Epic of the 17th Century (the Beginning of the Exploration of Siberia by Russian People)]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 176 p. (In Russ.)
18. Ogloblin N.N. *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592—1768). Ch. I. Dokumenty voevodskogo upravleniya* [Review of Columns and Books of the Siberian Order (1592—1768). Part 1. Documents of the Voivodship Administration]. Moscow, 1895, 433 p. (In Russ.)
19. Ogloblin N.N. *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592—1768). Ch. 3. Dokumenty po snosheniyam mestnogo upravleniya* [Review of Columns and Books of the Siberian Order (1592—1768). Part 3. Documents on Local Government Relations]. Moscow, 1900, 395 p. (In Russ.)
20. Polevoy B.P. Novyy dokument o pervom russkom pokhode na Tikhyy okean («Rasprosnye rechi» I.Yu. Moskvitina i D.E. Kopylova, zapisannyye v Tomske 28 sentyabrya 1645 goda) [New Document about the First Russian Campaign to the Pacific Ocean (I.Yu. Moskvitin's and D.E. Kopylov's "Interviews" Recorded in Tomsk on September 28, 1645)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*, 1963, vol. VI, iss. 2, pp. 21—37. (In Russ.)
21. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Saint Petersburg, 1894, vol. 15, part V, 806 p. (In Russ.)
22. Tkachenko P.E. Osen' 1643 goda v pokhode V.D. Poyarkova [Autumn of 1643 in V.D. Poyarkov's Campaign]. *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII—XIX vv.: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Russian Pioneers in the Far East in the 17th—19th Centuries: Historical and Archaeological Studies]. Vladivostok, 1998, vol. 3, pp. 45—55. (In Russ.)
23. Trotskiy I.M. Nekotorye problemy istorii Yakutii XVII v. [Some Problems of the History of Yakutia of the 17th Century]. *Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii XVII v.: sb. arkh. dok.* [Colonial Policy of the Moscow State in Yakutia of the 17th Century: Collection of Archaeological Documents]. Leningrad, 1936, pp. III—XXX. (In Russ.)
24. Fisher I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli russkim oruzhiem* [Siberian History from the Discovery of Siberia to the Conquest of This Land by Russian Weapons]. Saint Petersburg, 1774, 638 p. (In Russ.)
25. Shcheglov I.V. *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri, 1032—1882 gg.* [Chronological List of the Most Important Data from the History of Siberia, 1032—1882]. Irkutsk, 1883, 779 p. (In Russ.)
26. Yakovleva P.T. *Pervyy russko-kitayskiy dogovor 1689 g.* [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958, 212 p. (In Russ.)
27. *Yakutiya v XVII veke* [Yakutia in the 17th Century]. Ed. by S.V. Bakhrushin, S.A. Tokarev. Yakutsk, 1953, 438 p. (In Russ.)
28. *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya V.L. Seroshevskogo* [Yakuts: V.L. Serosheskiy's Ethnographic Research]. Saint Petersburg, 1896, vol. 1, 721 p. (In Russ.)